

РЫВКИНА Р.В. ДРАМА ПЕРЕМЕН. М.: ДЕЛО, 2001.

Книга посвящена российским реформам 1990-х годов и охватывает самый интересный этап в истории современной России — от горбачёвской перестройки середины 80-х годов и до сегодняшнего дня.

Хотя в последние годы вышло в свет немало публикаций на эту тему, большинство из них фокусируются на переменах в какой-то одной области — экономике, политике, социальной сфере — или даже на отдельной проблеме. Специфическим «почерком» автора «Драмы перемен» является системность: рассматривается весь комплекс перемен, которые происходили в России после распада СССР — от экономики и до массовой культуры.

Книга актуальна и злободневна. Ее отличительной особенностью является историзм. Экономические реформы, по мнению Р.В. Рывкиной, развивались постепенно и происходили на фоне распада СССР и обострения социальной ситуации в стране. Так, если реформы М. Горбачёва носили достаточно формальный характер, то реформы 1990-х годов были радикальными, охватывали одну за другой все сферы российского общества — и экономику, и политику, и культуру. Главные звенья возникшей социальной напряжённости, пишет автор, это глубокая дифференциация на «бедных» и «богатых», рост безработицы, преступности и т. д. Однако у реформ 1990-х годов был и положительный итог: миллионы жителей России прошли своего рода «школу капитализма», неведомого им ранее, стали учиться жить и работать в условиях рыночной экономики. Люди впервые познакомились с такими новыми для России экономическими формами, как акционерные общества, коммерческие банки, биржи, а также с новыми органами управления — налоговыми, судебными, транспортными, таможенными и проч.

Анализируя социальную действительность современной России, Р.В. Рывкина ищет ответ на вопросы: каковы корни социальных и экономических «болезней» российского общества и что толкнуло Россию к переходу от плановой экономики к рыночной? Вывод состоит в следующем: Россия унаследовала немало как от советских времён (стереотипы поведения и сознания, выработанные в эпоху существования СССР), так и от дореволюционных. Главную роль в этом процессе сыграла «социальная память» — сохранение в обществе моделей прошлого, влияющих на выбор путей развития страны. Досоветское наследие характеризуется, с одной стороны, сосуществованием зрелых капиталистических форм хозяйствования с малоподвижностью и излишней бюрократичностью власти, отсутствием консолидации в обществе, а с другой стороны, наличием широко и глубоко образованной интеллигенции, правда, непрактичной и непоследовательной. Советское же наследие состоит в ярко выраженном административно-командном характере управления, огосударствлении экономики, а также в коллективистской трудовой морали. Автор отмечает характерное для постсоветской России отчуждение людей от общества и государства, что выразилось, например, в падении интереса к политике, недоверии к властям и разочаровании в реформах. В основе этого лежит «ценностный вакуум», отсутствие чётких приоритетов, которые стимулировали бы деятельность людей.

За 70 лет, предшествовавших распаду СССР, общество прошло несколько переломных этапов: от развитого капитализма к коммунистической диктатуре, далее к «развитому социализму», от него — к слому социализма и ускоренному насаждению рыночных отношений, к капитализации экономики и общества. Попутно кардинальные изменения претерпевал и «социальный портрет» россиянина, ставшего свидетелем и непосредственным участником перестройки и рыночных реформ. Именно в «социальном типе» советских работников автор увидела разгадку некоторых социальных метаморфоз, имевших место как в советской, так и в постсоветской России.

Присущие предвоенной советской экономике идеологизированность, директивность, волевое аппаратно-ведомственное запретительство, декларативность, экстенсивность, хроническая дезорганизованность и слабая правовая защищённость субъектов экономики сформировали весьма противоречивый «социальный тип» работника, который совмещал трудовой героизм с чертами «винтиков», высокую идеологизированность с сомнением в истинности целей коммунистического руководства. Для «социального типа» работника накануне перестройки, напротив, была характерна меньшая идеологизированность и более критичное отношение к власти. При этом профессиональный состав работников ухудшился, что не замедлило сказаться на эффективности труда и управлении производством.

Начало реформ 90-х, пишет Р.В. Рывкина, было ознаменовано долгожданным отказом от цензуры, введением «гласности», на чём, собственно, и основывался начавшийся процесс деидеологизации общественного сознания. Кроме того, наконец-то было осознано, что без целостного реформирования политической системы реформировать экономику невозможно. Таким образом, российское общество 1991–1992 гг. оказалось в ситуации выбора, и выбрало оно не государственную экономику, а рыночную. Однако «драмы перемен» ещё только начинались. В ходе рыночных реформ осуществлялась ломка традиционных социалистических ценностей — политических, идеологических и моральных. Эта ситуация только усиливала трудности возникновения рынка, которые порождались более глубокой, по мнению автора, причиной — структурными особенностями самой российской экономики.

На протяжении 70 лет советское общество изживало капитализм, тогда как постсоветское общество, напротив, стало его строить. Автор перечисляет основные вехи истории взаимоотношений российского общества с капитализмом и приходит к выводу, что миллионы людей в России и сегодня его боятся и даже ненавидят. Кроме того, до сих пор существует довольно большой лагерь «оппозиционеров», продолжающих обсуждать альтернативы развития страны. Таким образом, реформы 90-х годов — это эксперимент, в который были вовлечены миллионы людей, не имевшие никакого представления о рыночной экономике и тем более желания прилагать какие-либо усилия для её развития. Естественно, что одна из первых и трудно разрешимых в короткие сроки задач состояла в подготовке широкого слоя высококвалифицированных работников, способных самостоятельно мыслить и действовать. Сформировать этот слой в России пока так и не удалось.

В чём причины трудностей возникновения рынка в России? Существует несколько версий. Автор называет историческую, идеологическую и национально-культурную. Трудности представляются неотвратимыми и естест-

венными. По мнению Р.В. Рывкиной, они усугубляются политической нестабильностью, которая в свою очередь является результатом борьбы интересов различных политических групп. Следовательно, трудности перехода России к рынку в принципе управляемы и преодолимы.

В книге проанализированы изменения, которые претерпели после распада СССР политика и культура. Рассматривается проблема создания сильного государства как необходимого условия цивилизованного рынка, а также раскрывается понятие «экономической культуры» — сложившихся норм поведения, которые реализуются в сфере экономики. Автор приходит к выводу, что к началу реформ в России был острый дефицит рыночной экономической культуры. Это выразилось не только в непонимании большинством людей экономической политики, проводимой правительством (в большей степени теневой), но и в некомпетентности так называемых «верхов». А без экономической культуры не может быть и рыночной экономики.

Р.В. Рывкина столь детально описывает этапы перехода России к рынку, что читатель может сам прочувствовать «шаги реформ» — их направление и результаты. В целом этот переход характеризуется, по мнению автора, противоречивостью, наличием как позитивных, так и негативных тенденций, волнообразным характером перемен, когда позитивное отношение людей к ним сменяется отчётливо негативным. В книге показано, как менялось отношение жителей России к проводимым реформам с 1992 по 1999 гг., представлена динамика оценок населением экономической и политической обстановки в России, рассмотрены трансформации самого российского человека в период реформ от приверженности социализму конца 80-х к рыночной активности конца 90-х годов. Сегодняшний россиянин усвоил новые стереотипы рыночного экономического поведения, такие как обмен валюты, приобретение и продажа акций, участие в тендерах, получение и выплата кредитов, векселей, залога и т. д. Всё это социальные инновации периода реформ, а это означает, что формируется новый «рыночный человек».

Интересна глава, посвящённая возникновению новой социальной стратификации — главного механизма формирования общества нового типа. Образовался новый господствующий класс — управленцы-капиталисты приходят на смену партийно-советской номенклатуре; меняется роль и социально-экономическое положение рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, формируются новые классы, а также новая система общественных отношений. Современное российское общество, по мнению Р.В. Рывкиной, характеризуется крупномасштабным расширением сферы теневых отношений. Автор подробно описывает этот практически не исследованный аспект «реформ». Теневое общество складывается из двух подсистем: теневой экономики в области материального производства и теневых процессов в сфере обслуживания населения, включая сферу правопорядка, жилищно-коммунальную службу, медицину, образование и др. Взаимосвязь между этими подсистемами осуществляется через теневое поведение субъектов. В российском обществе сформировалась целая пирамида теневых субъектов, на вершине которой находятся известные политики, связанные с бизнесом, руководители прокуратуры и суда, силовых органов, втянутых в коррупцию, высшие офицеры армии, зарабатывающие на войне, и т. п. Далее по нисходящей располагаются миллионы неформально занятых, включая работаю-

щих безработных, беспризорников, бомжей и т. д. Автор утверждает, что все слои российского общества так или иначе вовлечены в теневые процессы.

Р.В. Рывкина ставит важный и весьма актуальный вопрос: существует ли сегодня в России социология как социальный институт? Она сравнивает состояние социологии в советскую эпоху (эпоху жёсткой цензуры, партийного и «кэгебешного» контроля) с её нынешним положением (свобода в проведении любых исследований, отсутствие идеологических запретов и цензуры). Если в период существования СССР социологическая наука имела все признаки социального института, то сегодня в России институт науки как таковой отсутствует, действуют отдельные учёные. Доводы, приводимые автором, позволяют заключить, что в современную эпоху не только российское общество в целом претерпевает «драму»; в том же положении находится и российская социология. И это естественно, ведь когда меняется предмет, должна меняться и методология. Но главное — меняется отношение к науке. Распадаются научные коллективы, не проводятся крупномасштабные научные исследования, не соблюдается необходимое для существования любой науки условие открытости для учёных информации, собранной и полученной другими научными коллективами, и т. п. Основными заказчиками социологических исследований в России сегодня являются не наши университеты и не российское государство, а зарубежные научные центры, фирмы, фонды. Хотя некоторые социологические данные и исследования остребаваны, в том числе и руководством России, они, к сожалению, не оказывают заметного влияния на внутривнутриполитическую обстановку. Несмотря на то, что стало проводиться больше научных исследований, возникли десятки новых социологических центров, социология, как это ни парадоксально, знает о новой общественной системе значительно меньше, чем в советские времена. Ещё одна причина деградации современной социологической науки состоит в практически полном прекращении воспроизводства кадров, в отсутствии молодых учёных, которые могли и хотели бы прийти на смену прежнему поколению. Таким образом, традиции и опыт, которые были накоплены в течение долгих лет советскими учёными, утрачиваются. С этим утверждением можно согласиться лишь частично. Существует (пусть и небольшой) процент молодых учёных, стремящихся к сохранению и обогащению этих традиций.

Последний раздел монографии посвящён различным вариантам будущего развития России и российской экономики. Речь идёт о том, какие шаги необходимо предпринять, чтобы мог реализоваться наиболее благоприятный вариант. В этом состоит ещё одно преимущество данной книги: помимо детального анализа социальной действительности делаются также прогнозы (правда, весьма неутешительные) и предлагается нечто вроде социальной программы. Позиция автора, безусловно, спорна, тем более что она ещё не получила практического подтверждения. Так, например, если в 90-е годы граждане России действительно в большей своей части не были готовы к рыночным реформам, в том числе потому, что не обладали необходимой информацией, то сегодня, напротив, доступ к ней существенно расширился. Люди не просто узнали о новых экономических формах и органах управления, но и успели привыкнуть к ним.

К недостаткам книги можно отнести ее ярко выраженную пессимистичность. Уже в самом названии «Драма перемен» заключена оценка происходящих в России событий. И хотя автор пытается быть как можно более реалистичной, по прочтении создаётся впечатление постепенной, но быстро развивающейся деградации российской государственности. С одной стороны, трудно не согласиться с большинством выводов, которые делает Р.В. Рывкина в своей бесспорно глубокой и информативной работе. С другой стороны, она не учитывает, по сути, важнейший факт — всегда, в том числе на протяжении рассмотренного исторического периода, существовал раскол мнений, всегда были согласные и несогласные с общим мнением или с мнением тех, кто «вершит судьбу» страны. На наш взгляд, это очень важное и обнадёживающее явление, говорящее о том, что люди в России, несмотря на цензуру, политический и «кэгебешный» контроль, вовсе не разучились трезво мыслить. Возможно, именно это качество российского человека сыграет в будущем решающую роль.

Важно отметить, что нередко подобного рода работы страдают односторонностью: авторы либо высказывают собственную точку зрения, не соотнося ее с другими, либо пересказывают и анализируют чужие мнения, не говоря о собственной позиции. Книга Р.В. Рывкиной не страдает ни тем, ни другим недостатком. Помимо чётко и порой пугающе смело выраженной собственной позиции, в книге обозначены и другие мнения по вопросу преобразования России в годы реформ. Автор полемизирует с теми учёными, на чьё мнение ссылается, тем самым давая возможность читателю задуматься над поставленными вопросами и попытаться самостоятельно на них ответить. Для этого в книге достаточно социологической информации, которая собиралась при участии автора коллективом лаборатории экономической социологии ИСЭПН РАН в течение 15 лет. Используются также данные массовых опросов 90-х годов, проводившихся службами общественного мнения (в основном — ВЦИОМом). Наконец, представлены результаты опросов 80-х годов в Сибири, а также полные тексты интервью с политиками, правозащитниками, предпринимателями-производственниками, новыми коммерсантами, банкирами. Р.В. Рывкина заставляет задуматься о тех проблемах, которые неизбежно возникали и будут возникать в связи с очередными попытками реформировать российское общество. Синтетическая направленность, лаконичность и чёткость изложения, обширный эмпирический и теоретический материал, чрезвычайная актуальность позволяют рекомендовать книгу «Драма перемен» не только специалистам, студентам и аспирантам социологических и экономических факультетов, но и всем тем, кто интересуется современной историей России.

С.В. Энговатова
Институт социологии РАН